

УДК 130 (4/5)

ФЕНОМЕН НОМАДИЗМА И ГЕНЕЗИС ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Т.А.Сулейменов, С.Б.Елеуп
ЮКГУ им. М.Ауезова, г.Шымкент

В историческом плане феномен номадизма занимает особое место, обусловленное его вкладом в общечеловеческую культуру. На основе специфической культуры жизнеобеспечения номадов, которая складывалась на протяжении нескольких тысячелетий, сформировалось особое, неповторимое отношение к миру, особый динамический способ жизнебытия. Вот как об этом проникновенно пишет К.Ш.Нурланова: «...кочевничество не просто и не столько пространственная подвижность, но **жизнебытие как целостность со всем пространством**. Это осознание духовной породненности позволяет чувствовать жизнь с такой цельностью, что ежедневная, повседневная жизнь воспринимается, переживается как наиболее естественная и полная форма явленности. Это огромная и бесценная культура, когда пределы обыденной жизни, повседневного быта внутренне связаны с беспредельностью жизни и мира...» [1, с.12].

К сожалению, такое поистине бесценное мироотношение в силу господства европоцентристских представлений долгое время вовсе не признавалось, сводилось на нет, и номады считались варварами, в отличие от оседлых цивилизованных народов. В качестве примера можно привести следующее высказывание русского ученого В.И.Масальского о казаханомадах: «Простор степей, зависимость существования от скотоводства, требующего обширных пастбищ, и другие условия жизненного уклада кочевника сделали его с незапамятных времен врагом оседлого жителя и вселили в него страсть к разрушению всех препон, мешающих его движению. Идеал кочевника – безграничная степь, покрытая стадами тучного скота, а поэтому он при первой возможности сметает с лица земли все, что мешает ей стать пастбищем. Сады, дома, великолепные здания и произведения искусства не нужны и не понятны для кочевника, как непонятна и не нужна вся оседлая культура. Если бы кочевники могли, они весь мир обратили бы в пастбище» [2, с.35]. Примерно такого же содержания высказывания о кочевниках присутствуют и у многих других авторов, в том числе и у таких корифеев научной мысли, как Н.Данилевский, Ф.Бродель. Справедливости ради следует отметить, что в трудах Геродота, С.Гедина, С.Герберштейна, Т.Аткинсона, А.Янушкевича, А.Тойнби, Л.Гумилева и др. содержатся положительные характеристики номадов, попытки адекватного постижения их образа жизни, культуры, ценностей. Но эти устремления не делали погоды в общем потоке литературы антиномадической направленности и вплоть до конца XX века исследования феномена номадизма оставляли желать лучшего. И только в настоящее время постепенно приходит осознание того, что многовековой миграционный опыт жизнедеятельности номадов требует адекватного отражения и его ценные уроки будут востребованы человечеством на пути преодоления надвигающихся кризисов различного порядка.

Не вдаваясь в подробный анализ того, что внесла кочевая цивилизация в культуру человечества, остановимся лишь на одном важнейшем моменте, а именно – на вкладе номадов в генезис философского знания.

Как известно, выдающийся представитель немецкого экзистенциализма Карл Ясперс исторический этап развития человечества с 800 по 200 годы до н.э., когда произошел величайший духовный переворот, обозначил понятием «осевое время». По его мнению, именно в осевое время на смену мифологическому видению мира приходит философский дискурс в Древнем Китае, Древней Индии и Древней Греции. Пытаясь выявить причину данного духовного феномена, К.Ясперс считает допустимым обсуждение различных гипотез. При этом в контексте своей концепции осевого времени он обращается к гипотезе Альфреда Вебера как единственно приемлемой из всех других. В ее основе лежит признание решающей роли кочевников в пробуждении самосознания завоеванных ими народов Древнего Китая, Древней Индии и Европы путем привнесения трагического сознания в их мироощущение. Со своей стороны, К. Ясперс выдвигает два возражения против гипотезы А. Вебера. Во-первых, он ссылается на отсутствие эпических произведений и, соответственно, трагического сознания в Древнем Китае в

осевое время. Во-вторых, приводит в пример Палестину, в которую не вторгались кочевники, но, тем не менее, в осевое время там жили и проповедовали многочисленные библейские пророки.

На несостоятельность этих доводов К.Ясперса указывает известный казахстанский культуролог Мурат Ауезов в своей работе «Энкидиада: к проблеме единства миров кочевья и оседлости». Он пишет об этом так: «В рассуждениях Вебера ощутим налет романтизации мироощущения «сынов пустыни», и это в значительной мере ослабляет его позицию. И все же Ясперс не прав в самой постановке вопроса. Ведь совершенно ясно, что влияющая культура не обязательно формирует свое подобие в новой среде. Напротив, гораздо чаще, если иметь в виду эволюционный характер связей, свойственный взаимоотношениям культур, влияние приводит к возрождению, к более четкому постулированию собственных, «исконных» принципов воспринимающей культуры. Отсутствие подобия не говорит о том, что влияния не было, но свидетельствует о восхождении культуры, испытавшей влияние, на более высокий уровень самосознания. Именно эта зрелость самооценки в сочетании с экзальтированным самовыражением характерна для проповедей пророков «осевой эпохи» [3, с.56]. Опровергая, таким образом, доводы К.Ясперса, Мурат Ауезов формулирует важный вывод о том, что «основной проблемой в духовной жизни «осевой эпохи» была проблема единства и распада миров кочевья и оседлости» [3, с.61]. Раз это так, то во весь рост встает проблема взаимоотношения кочевья и оседлости.

Кочевое скотоводство как более высокая ступень животноводства завершает свое становление в начале I тысячелетия до н.э., то есть совпадает с началом осевого времени. Случайна ли данная синхрония? На наш взгляд, именно возникновение кочевого скотоводства предопределило наступление осевого времени со всеми вытекающими из него последствиями.

Прежде всего, формирование кочевого скотоводства и соответствующего ему миграционного образа жизни означает становление полярного оседлости способа бытия человека в мире. С этого периода история человечества характеризуется противоречивым взаимодействием оседлости и кочевья. При этом необходим отказ от одностороннего подхода к оценке исторической роли кочевья, рассматривающего их как извечных врагов оседлости, воинственных разрушителей материальных и культурных ценностей. С большой долей уверенности можно утверждать, что историческая память народов сохранила лишь внешние атрибуты завоевательных походов кочевников, которые неизбежно сопровождались разрушениями, массовыми миграциями (вспомним эпоху великого переселения народов под натиском гуннов Аттилы в 5 веке), смертью людей и другими негативными проявлениями. Но из всего этого нельзя делать вывод о том, что кочевникам изначально присущи жестокость, стремление к разрушениям и т.д. Замечательную отповедь тезису о «врожденной свирепости и жестокости» кочевников дал знаменитый французский историк Рене Груссе. Приведем один характерный эпизод из его работы о монголах, воспроизведенный в книге современного аргентинского писателя Х. Борхеса «Истории о всадниках»: «Монголы взяли Пекин, перерезали жителей, разграбили дома и предали город огню. Разгром продолжался целый месяц. Ясно, что кочевники не знали, как поступить с гигантским городом, и не догадывались использовать его для укрепления и расширения своей власти. Случай безынтесный для специалистов по географии расселения: жители степей пришли в замешательство, внезапно оказавшись владетелями древних государств со старой городской цивилизацией. Они жгли и убивали не из садизма, а по растерянности и неумению поступить иначе» [4, с. 52]. Эта идея Рене Груссе наводит на мысль о том, что завидная приверженность кочевников своему скитальческому образу жизни, их неприспособленность жить в условиях города привели их к описанным выше действиям. Поэтому утверждения некоторых исследователей о врожденной жестокости кочевников не имеют под собой почвы.

Что же касается взаимодействия кочевья и оседлости, то периоды противостояния между ними перемежались временами обоюдных выгодных торговых связей, военных и брачных союзов, процессами обмена духовными ценностями. И в этом исторически развивающемся взаимодействии далеко не последняя роль принадлежала кочевникам.

В данном контексте представляет значительный интерес вопрос об истоках философского мышления, который приходит на смену мифологии. Не претендуя на исчерпывающую полноту решения указанной проблемы, выскажем в тезисном порядке свои соображения:

Во-первых, номады способствовали усилению поисков оседлыми людьми своей идентичности, осознанию своей особенности, что, в конечном счете, оказывало стимулирующее влияние на их духовное развитие, в том числе и на формирование их философского мышления.

Во-вторых, полный трудностей и лишений кочевой образ жизни, перманентные войны и походы, создавая обстановку постоянного пребывания человека в пограничной ситуации между жизнью и смертью, обусловили формирование у номада пронзительного ощущения хрупкости бытия. «Дүние – жалған» («мир, жизнь - обманчивы, преходящи») – так можно обозначить основополагающую идею подобного мироощущения. Если вспомнить знаменитое изречение древних римлян «Сова Минервы вылетает в сумерки» о генезисе философской мудрости, то можно сделать вывод о том, что первые философы в своеобразной форме сложились именно в кочевом социуме. Более того, осмелимся утверждать, что несколько тысячелетий назад в мудрости номадов, опять-таки в своеобразной форме, нашли воплощение те антропологические идеи, которые в 20 веке легли в основу экзистенциализма.

В-третьих, известен исторический факт, что в число семи древнегреческих мудрецов входил и Анахарсис как полноправный мыслитель, ни в чем не уступающий своим коллегам. Спрашивается, смог бы выходец из скифского племени достичь таких высот в своем духовном развитии, если бы в том номадном социуме не существовала соответствующая социокультурная среда? О том, какой была эта среда, мы можем узнать из книги польского ссыльного Адольфа Янушкевича, которому казахский народ благодарен вот за эти строки: «И все это ведь, думал я, слышу я своими ушами в степи, среди народа, который мир считает диким и варварским! Несколько дней назад я был свидетелем столкновения между двумя враждующими партиями и с удивлением рукоплескал ораторам, которые никогда не слышали о Демосфене и Цицероне; сегодня передо мной выступают поэты, не умеющие ни читать, ни писать, однако поражающие меня своими талантами, ибо песни так много говорят моей душе и сердцу. И это дикие варвары? И это народ, которому вовек предназначено быть только никчемными пастухами, лишенными всякого иного будущего?! О нет! Воистину! Народ, который одарен Творцом такими способностями, не может остаться чуждым цивилизации: дух ее проникнет когда-нибудь в киргизские пустыни, раздует здесь искорки света, и придет время, когда кочующий сегодня номад займет почетное место среди народов, которые нынче смотрят на него сверху вниз, как высшие касты Индостана на несчастных париев» [5, с.71]. Пусть читателя не смущает параллель, проведенная между отстоящими друг от друга на 25 веков эпохами. Дело в том, что характерной чертой кочевой цивилизации является инвариантный характер той духовной атмосферы, в которой были созданы шедевры музыки, поэзии, словесного состязания и оригинальной мудрости, послужившей одним из истоков генезиса философского знания.

Такими представляются наши посильные соображения относительно номадических истоков генезиса философского знания.

Литература

- 1 Нурланова К.Ш. Земля – духовная опора народа. – Алматы: Дәуір, 2000. – 20 с..
- 2 Масальский В.И. Туркестанский край. Россия. Полное описание нашего отечества. –Спб., 1913.–Т. 19.
- 3 Ауезов Мурат. Энциклопедия: К проблеме единства миров кочевья и оседлости // Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством. – Алматы: Ғылым, 1993. – С. 31-62.
- 4 Борхес Х. Истории о всадниках //Сочинения: В 3т. 2-е изд.- М.: Полярис, 1997. - Т.1.: Эссе и новеллы.
- 5 Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. – Алма-Ата: Казахстан, 1966. – 268 с.

Қорытынды

Мақалада көшпенділердің философиялық ойлаудың қалыптасуына қосқан үлесі туралы баяндалады. Оның негізінде көшпенді өмір бейнесінің ықпалымен туындайтын рухани құбылыстар жатады.

Summary

In the article there described the nomadic aspect of philosophical knowledge problem.